

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В.Г. СТЕЛЬМАХ

Продуктивный взгляд на причины распада СССР (Размышления над книгой Э. Уолкера)

Хотя СССР прекратил существование более десяти лет назад – в декабре 1991 г., изучение этого события не утратило актуальности. Внезапное и быстрое исчезновение с карты мира ядерной сверхдержавы, не без успеха конкурировавшей в военной сфере с США и экспортировавшей социализм в самые отдаленные уголки планеты, до сих пор не полностью проанализировано и не до конца осмыслено ученым сообществом. В том числе и его российской частью, некоторые представители которой с очевидной и неуместной для профессиональных исследователей беспомощностью говорят о якобы самоуничтожении Советской державы без всяких на то причин [Уткин, 2002]. Это, впрочем, только подчеркивает важность их выявления, приступая к которому в одночасье сталкиваешься с парадоксом. Объяснение распада Союза ССР, казалось бы, лежит на поверхности: социалистический колосс стоял на глиняных ногах; вместе с тем, куда труднее понять, **почему** и **как** вроде бы могущественная держава дошла до подобного состояния.

Скажу сразу: в самых общих чертах столь быстрая агония СССР объяснима в контексте комплексного и многоуровневого кризиса, пронизывавшего практически все стороны жизни Советского государства в последнее десятилетие его существования: экономику, политику, в том числе национальную, социально-культурную и духовную сферу. Такое положение дел как бы программирует интегральное освещение причинно-следственных взаимосвязей процессов двенадцатилетней давности. Между тем многочисленные попытки комплексного, междисциплинарного их анализа, на мой взгляд, оказались с научной точки зрения неубедительными, варьируясь в диапазоне от неомарксистского вульгарного экономизма и упрощенных политологических схем до так называемой конспирологической версии.

В первом случае распад СССР трактуется исключительно в узкопонимаемых категориях передела собственности [Семенов, 1993]. Или же крах советской державы преподносится как результат конъюнктурного альянса региональных элит, обосновывавших свои притязания на власть националистической риторикой, и возникшей в ходе горбачевской перестройки новой федеральной номенклатурой, которая использовала в борьбе за доминирование риторику антикоммунистическую [Чешко, 1996].

Во втором – исследовательский процесс и вовсе сводится к попыткам представить причины тотального краха союзного пространства как результат неких субъективных манипуляций "извне", например, внедрение либеральными интеллектуалами

С т е л ь м а х Владислав Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора проблем культурной политики Российского института культурологии Министерства культуры РФ.

представления о фатальной неизбежности скорого конца СССР в массовое сознание [Тишков, 2000]. Я уж не говорю о параноидальных попытках разоблачения заговора и злонамеренных козней каких-либо тайных сил: "жидо"- или просто "масонов", американского ЦРУ и остальной "мировой закулисы". Впрочем, В. Согрин убедительно показал, что типологически сходные конспирологические экзерсисы – поиск следов деятельности американских спецслужб в процессе развала Советского Союза, не чужды и зарубежным ученым [Согрин, 2002].

Увы, такое состояние позднесоветских исследований отчасти естественно: данная тема пока еще не стала полностью "исторической" в том смысле, какой мы вкладываем в это определение, говоря, например, о разделении Австро-Венгрии или Османской Порты. Поэтому не только с точки зрения любопытствующего, но и исследователя-профессионала в процессах распада Союза ССР действительно существует немало "темных мест" и не понятых пока ситуаций. Их освещение и интерпретация наталкиваются, помимо прочего, на элементарное отсутствие адекватной документальной базы. Частично это связано с идеократизмом тоталитарной советской системы – правящая коммунистическая элита страны, объявившая ее в свое время образцом общественно-государственного устройства для всего человечества, тщательно скрывала признаки все нарастающих проблем, реже искренне пыталась от них абстрагироваться. Впрочем, сложность доступа к источникам обусловлена главным образом техническим фактором – сроками хранения в закрытом режиме соответствующих архивных материалов.

В силу этого в настоящее время продуктивнее выглядят попытки исследования причин распада Советского Союза в рамках отдельных проблемных "узлов". Так, уже основательно изучены негативные явления, возникшие в экономической, политико-социальной или этнокультурно-языковой областях. Чего не скажешь о сюжетах, касающихся системных издержек советской государственной модели. Большинство российских ученых, рассматривая объект исследования с позиций позитивистского эволюционизма (признание *a priori* запрограммированной и непреложной последовательности чередования общественных формаций), уделяют недостаточное внимание изначальной дефекту организации политического пространства СССР – гипертрофированной роли этничности, ставшей его формообразующим началом. В этой ситуации принципиальный вопрос о пределах жизнеспособности советского государственного организма *volens nolens* подменяется оценкой социально-политических условий его функционирования (см., например [Губогло, 1993; Национальная... 1997]). В результате крах союзной государственности связывается с причинами, безусловно, важными, но выступающими как внешние проявления отмеченной сублимации этнического фактора: со спецификой советской государственной конструкции [Каганский, 1993; 2001]; жестокими или несправедливыми методами регулирования межнациональных отношений (депортация, дискриминация, иерархическое ранжирование населявших страну этносов) [Старовойтова, 1999]. В подобном контексте монография "Разъединение: суверенитет и развал Советского Союза" Э. Уолкера – американского политолога из университета Беркли [Walker, 2003], в которой анализируется внутренняя логика функционирования советской модели этнофедерализма, во многом обусловившая его крах, представляет интерес. Как минимум, ввиду попытки аргументировано ответить на простой лишь внешне вопрос: "почему Советский Союз распался на 15, а не на 5 или же на 50 государств-преемников" (р. 1).

Здесь, наверное, будет вполне уместно дать краткий комментарий типа государственности, существовавшей в советское время, без которого исследовательская позиция автора книги будет менее понятной. Поневоле приходится констатировать, что в действительности СССР был в известном смысле конституционным нонсенсом, поскольку совмещал в себе абсолютно разные государственные системы: конфедеративную, федеративную и унитарную. Пятнадцать образующих его союзных республик, номинально сохраняя право выхода из единой державы, *de jure* образовывали **конфедерацию**. Самая большая ее составляющая – РСФСР – также номинально счи-

талась **федерацией**. Но если исходить из реального объема полномочий, которыми обладали ее субъекты, эта федерация (как, впрочем, и остальные советские республики) *de facto* была **унитарно управляемой** частью союзной территории, в ряде районов которой допускалась весьма ограниченная национальная автономия, притом различного уровня (автономные республики, области, округа). Нетрудно понять, что столь громоздкая, внутренне противоречивая государственная конструкция сумела продержаться более 70 лет исключительно за счет тоталитарного характера власти КПСС, которая, замкнув на себя управление огромной страной, жестко подавляла не только всякую политическую оппозицию, но и любые попытки институционального реформирования в рамках, если так можно выразиться, коммунистической доктрины.

Сказанное означает, что особый интерес Уолкера именно к сфере государственно-сти и поиск в изъянах ее организации многих причин краха СССР, на мой взгляд, вполне оправдан. Ведь вследствие недостаточной "эластичности" и неспособности государственных институтов противостоять вызовам охватившие страну в 1980-е гг. экономический, политический и идеологический кризисы обернулись, как мы знаем, превращением единого советского пространства в постсоветскую мозаику независимых и часто не проявляющих склонность к цивилизованному сотрудничеству стран. И думаю, что тут важно обратить внимание на трактовку американским ученым генезиса нелогичной и потому потенциально проблемной организации государственного устройства СССР. Не впадая в крайности детерминизма, Уолкер показывает, что она была "генетически" обусловлена, существовавшими в конце XIX – начале XX в. двумя марксистскими, но противоречащими друг другу концепциями решения национального вопроса. Одна из них – германская (К. Каутский, Р. Люксембург) трактовала этничность как докапиталистический анахронизм, который в социалистическом обществе должно было вытеснить классовое, пролетарское единство. Из этого вытекала идея сугубо унитарного устройства в будущем государственной власти, способной это единство гарантировать. Другая – австрийская (О. Бауэр, К. Реннер), напротив, превозносила ценность национально-культурного разнообразия при социализме, видя именно в этнической общности активный субъект, наделенный неотъемлемым правом самоопределения, из чего следовал вывод о социалистическом государстве как о федерации подобных субъектов (р. 22).

В процессе образования СССР – принятия Конституции 1924 г. – обе упомянутые идеи воплотились в практику государственного строительства, поскольку часть большевистской верхушки, включая самого В. Ленина, склонялась к более гибкому варианту устройства многонационального государства ("федералисты"), тогда как другая ее часть во главе с И. Сталиным придерживалась жесткой, унитарной модели ("автономисты"). В результате возник чудовищный гибрид реального всевластия коммунистической партии и избыточной самостоятельности союзных республик. В организованной по национально-территориальному принципу федерации была легитимизирована абсолютно неприемлемая система иерархии этносов, реализованная в виде разноуровневой модели их самоуправления (союзные республики, автономные республики и области, национальные округа и сельские советы). Наивысший статус в этой пирамиде был закреплен за союзными республиками. Они номинально обрели как все "внешние атрибуты независимых стран (собственные конституции, флаги, гербы, гимны и государственные языки), так и соответствующие институциональные структуры (законодательные и исполнительные органы власти, культурные и научные учреждения, включая академии наук, консерватории, театры, отдельные от союзных и т.д.)". Венчало эти огромные полномочия, подчеркивает Уолкер, конституционно закрепленное (ст. 4) право свободного выхода из союза (р. 29).

Итак, союзным республикам, в действительности контролируемым и управляемым из Москвы, были предоставлены даже не какие-то отдельные суверенные права, но полномасштабный государственный суверенитет, который, естественно, был "скован" всевластием КПСС. Дальнейшее конституционное строительство в СССР

развивалось сугубо на основе "ставшего аксиомой советской теории федерализма тезиса, что союзные республики – независимые государства" (р. 39). Сталинская (1936 г.) и брежневская (1977 г.) Конституции, меняя частности, "оберегали" в союзных территориях практически "готовые к работе" институты суверенного государства в современном, ооновском понимании данного термина.

Горбачевская перестройка, расшатав всевластие КПСС, прятавшееся за легитимным прикрытием советской власти, образно говоря, разъела цепи, до поры до времени сковывавшие амбиции этнических элит, сложившихся в союзных республиках. Причем их лидерам не нужно было тратить силы на идеологическое обоснование независимого существования или строительство собственной государственной системы. Уровень суверенитета, гарантированный республикам, уже создал там полномасштабную управленческую инфраструктуру, которую оставалось лишь запустить на полную мощность. В подобной ситуации, считает американский политолог, абсолютно закономерным стало то, что власти союзных территорий, воспользовавшись охватившим в конце 1980-х гг. все еще единую страну кризисом и ослаблением административно-командных рычагов управления государством, открыли против союзного центра "войну законов". За этой метафорой в реальности стояли вполне конкретные юридически выверенные процедуры: узаконение права республиканских властей самим определять характер и уровень отношений с Москвой, права распоряжаться местными ресурсами, а также приоритет местного законодательства над общесоюзным, если последнее наносит ущерб интересам населения республики. Перечисленные решения составили основу абсолютно всех Деклараций о суверенитете, некоторыми союзными территориями (Эстония, Литва, Латвия, Азербайджан, Грузия) принятыми уже в 1988–1989 гг. (р. 64–65).

И здесь стоит обратить внимание на концептуальное осмысление Уолкером категории "суверенитет" применительно к анализируемым событиям. Отмечая, что, хотя в ряде случаев целесообразность полной суверенизации республик вызывала сомнения, а содержание этого процесса – озабоченность (очень часто понятие "национальный суверенитет" по умолчанию относилось исключительно к "титულიному" этносу территории), подобные шаги были легитимными, поскольку: а) вытекали из контекста конституционного устройства Советского Союза; б) не противоречили в принципе международному праву. В результате общественное мнение не только в национальных республиках, но и в самой России, пусть в большинстве своем на подсознательном уровне, отнеслось к ним позитивно. Реформаторская часть союзной номенклатуры в идейном плане могла противопоставить этому лишь малоубедительные риторические аргументы.

Ни тактические меры, предпринятые М. Горбачевым с целью смягчить позиции республик в апреле 1990 г. (закон о языках народов СССР; закон о порядке выхода союзной республики из состава СССР), ни отмена одиозной ст. 6 советской Конституции (закреплявшей руководящую роль КПСС), уже не могли остановить "парад суверенитетов". С 12 июня по 25 октября Декларации о государственном суверенитете приняли все остальные союзные территории, включая РСФСР. И это с точки зрения права означало, что к концу 1990 г. процесс дезинтеграции единой советской державы прошел критическую точку: и фактически, и юридически она разъединилась на 15 суверенных относительно союзного центра и, соответственно, независимых друг от друга частей.

Когда возможности справиться с кризисом советской государственности с помощью федеральных законов и конституционных поправок были исчерпаны, наступило время заведомо обреченной попытки убедить республики подписать новый Союзный договор, который должен был стать основой обновленной федерации суверенных государств. Эту характеристику предполагаемого типа устройства будущего государственного образования следует прокомментировать.

Рассуждая в категориях права, нельзя не признать, что его автор – профессиональный юрист Горбачев в данном вопросе из конъюнктурных соображений пошел

на поводу у Горбачева-политика: **суверенитет государства** и одновременно **федеративный их союз** – несовместимые вещи. Но важнее то, что вся терминологическая несурезица была внешним выражением провальной политической стратегии. Ведь в задаваемом ей контексте требовалось не просто убедить в необходимости и выгоде сохранения единства как лидеров союзных республик, твердо взявших курс на независимость, так и тех, кто стремился к рыхлой конфедерации, а также "умиротворить" силы, которые ратовали за сильный союзный центр. Предстояло разработать всеобъемлющий юридический документ, который, аккумулируя совершенно не сопоставимые исходные позиции сторон, каким-то непонятным образом вводил бы их политические устремления в единые правовые рамки (р. 102). Рассмотрев в таком ракурсе новый Союзный договор, разработанный администрацией президента СССР, видишь, насколько этой идее изначально не хватало смысла, а потому перспективы и привлекательности.

Более того, трудно не согласиться с позицией Уолкера, что в подобной ситуации даже попытка выработать некую консенсусную платформу в форме "9+1" (численность республик, проголосовавших на референдуме 24 марта 1990 г. за сохранение единства СССР, плюс представители союзного центра. – В.С.), предпринятая в процессе переговоров в Новоогарево, начавшихся 23 апреля 1991 г., также не могла увенчаться успехом. "Напротив, – констатирует американский ученый, – даже если допустить, что договор о союзе немедленно был бы ратифицирован всеми или хотя бы участвовавшими в переговорах республиками, само его содержание, далекое от реального положения дел, не говоря уже о бесчисленном множестве политико-экономических проблем, с которыми страна столкнулась летом 1991 г., в одночасье загубило бы предлагаемый новый союзный порядок" (р. 129).

Хуже, однако, то, что в стремлении стимулировать объединительный новоогаревский процесс и, наоборот, противостоять процессам центробежным союзная номенклатура, включая ее реформаторское крыло – А. Яковлева, Э. Шеварднадзе и самого Горбачева, на практике прибегла к поощрению этнического сепаратизма автономных образований. Здесь необходимо вспомнить, что по мере углубления распада Советского государства тенденция размежевания по этническому признаку начала проявляться и на уровне отдельно взятых союзных территорий, охватив, в частности, РСФСР, Грузию, Молдавию. Никким образом не отрицая объективную сторону данного феномена – ослабление союзного центра создавало благоприятную среду для роста амбиций элит не только "больших", но и "малых" республик, – стоит указать на крайне негативную роль, сыгранную в этой ситуации союзными структурами, к слову сказать, затушевываемую многими зарубежными специалистами, видимо, вследствие симпатий к президенту СССР (см., например [Dowly, 1998]). Стремясь сохранить ускользающую власть, сторонники реформированного, обновленного объединения страны на демократической основе стали использовать автономии как инструмент давления на "враждебные" республики или отдельных "строптивых" руководителей, каким был, например, российский лидер Б. Ельцин. Так появился закон о праве автономных образований оставаться в составе СССР вопреки решению союзной территории о выходе из него (26 апреля 1990 г.) – конституционная новелла, предоставившая им *de jure* право на сепессию!

Если бы позднесоветский вариант политики *divide et impera*¹ заработал в полную силу, территория той же РСФСР была бы, вероятно, разорвана серией этнических конфликтов, чего, к счастью, не произошло. Как считает Уолкер, избыточную активность лидеров автономных образований сдерживали правовые рамки. Хотя упомянутый акт повышал уровень их суверенитета, последний так и не достиг статуса союзных территорий, и принятие подавляющим большинством автономных республик Деклараций о суверенитете в период с августа 1990 г. по июль 1991 г. не взорва-

¹ Разделяй и властвуй. – Лат.

лю ситуацию в России. За исключением немногочисленных и не обладавших влиянием групп крайних националистов, серьезные политики в национальных автономиях в то время не ставили вопрос о сецессии в реальном плане. Конечно, элементы сепаратистской риторики присутствовали в их речах и во время заседаний в Новоогареве, и в ходе их контактов с властями РСФСР. Особенно, как мы знаем, поднаторели в игре на противоречиях союзного масштаба лидеры Татарской и Башкирской АССР. Но даже в их устах понятие "суверенитет" *de facto* трактовалось преимущественно как средство уменьшения контроля Москвы в деле распоряжения на местах финансовыми потоками. Поэтому, "несмотря на гетерогенность населения и наличие в своем составе большого числа автономий (16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов малочисленных народов Севера. – В.С.), России в эпоху Горбачева удалось избежать серьезных эпизодов напряженности в отношениях между ее центральными властями и элитами национальных меньшинств" (р. 89).

Все же этнотерриториальный сепаратизм, причем в форме вооруженной конфронтации между "титულიной" и прочими нациями, охватил окраинные части союзного государства. Исторически складывавшийся там уровень этнической конфликтности возобладал над правовыми реалиями позднесоветского времени. В Грузии и Молдавии суверенизация районов, населенных меньшинствами, по сути, привела к утрате этими республиками территориальной целостности. В Прибалтике возникла очаговая напряженность: комитеты общественного спасения и интерфронты, опиравшиеся на "нетитульные" народы, смогли на время дестабилизировать ситуацию либо в столицах (Литва, Латвия), либо в местах компактного проживания иноэтнической группы (северо-восток Эстонии).

Неудивительно, что содействием, притом посредством права, "внутреннему" сепаратизму в республиках, которым предстояло стать членами обновленного союза, не только не способствовало росту их симпатий к такой форме объединения, но, напротив, укрепляло там позиции крайних националистов и поборников выхода из СССР любой ценой. В этой связи небезынтересно мнение автора рецензируемой книги относительно истерической реакции на сложившуюся ситуацию консервативной части КПСС, вылившуюся в создание ГКЧП и попытку отстранения от власти президента Горбачева за сутки до предполагаемого подписания нового союзного договора. Уолкер считает, что воздействие событий 19 августа 1991 г. на распад Советского Союза состояло не в ускорении, но в "резком усилении процесса дезинтеграции", придании ему бесповоротного характера (р. 137).

После этих событий лидеры союзных территорий стали применять в реальной политике категорию "суверенитет" исключительно в значении "государственная независимость", декларации о которой были приняты 13 республиками с 20 августа по 17 декабря 1991 г. (Литва и Армения сделали это годом ранее: соответственно, 11 марта и 23 августа 1990 г. – В.С.). На меньшее уже никто не соглашался, особенно когда речь касалась "возможного ограничения интересов и прерогатив нового руководства (республик) в сфере экономики и власти" (р. 141). Поэтому все "послепутчевые" усилия сторонников сохранения элементов государственного единства хотя бы на "усеченном" за счет Прибалтики советском пространстве, в частности, создание некой полуфедерации-полуконфедерации (идея Союза суверенных государств, за которую Съезд народных депутатов СССР проголосовал как бы по инерции 2 сентября 1991 г.) потерпели фиаско. И Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств, подписанное 8 декабря 1991 г. лидерами России, Украины и Белоруссии и поддержанное 21 декабря еще 8 республиками, всего лишь «положило конец бесконечным пререканиям относительно "суверенитета" между союзными республиками и центром» (р. 171). Ирония же судьбы состоит в том, что идея этнотерриториального суверенитета, на которой зиждилась советская государственность, через 74 года сыграла в распаде СССР решающую роль.

Вероятно, такое политико-правовое истолкование причин распада Советского Союза кому-то покажется искусственно суженным и потому ущербным. На мой взгляд, при определенной схематичности концепция Уолкера в целом выглядит весьма убедительно, что, впрочем, не избавляет от необходимости указать на некоторые недостатки книги американского исследователя. Я не хотел бы останавливаться на частностях. Хронологические рамки монографии Уолкера и фактологическая ее насыщенность велики, поэтому в ней при желании можно найти немало спорных суждений и оценок (особенно, когда речь идет о сложных, с неоднозначными последствиями эпизодах распада Союза: конфликте в Нагорном Карабахе; курсе команды Ельцина на радикальные экономические реформы в РСФСР, пугавшем лидеров среднеазиатских республик, и др.). Во всем этом читатель, притом не обязательно профессионал, в процессе знакомства с книгой, наверное, сумеет разобраться самостоятельно.

А вот отметить встречающуюся в ней терминологическую некорректность, по-видимому, нужно. Американский политолог, например, часто употребляет термин "страны" применительно к прибалтийским союзным республикам, одновременно отказывая в этом статусе той же Молдавии. Вряд ли стоило бы останавливаться на этом клише эпохи "холодной войны" (непризнание США советской аннексии Латвии, Литвы и Эстонии), если бы оно в известной мере не отражало логической издержки политико-правовой версии краха союзного государства. Уолкер относится к числу ученых, рассматривающих его как неотвратимость, поэтому пассаж о возможности этого избежать при условии, что союзные власти согласились бы на отделение территорий, где "сецессия стала политической реальностью", выглядит явным диссонансом. Поясню: тут говорится о запрете проведения референдума о сохранении Союза ССР 6 из 15 союзных республик – Литвой, Латвией, Эстонией, Грузией, Молдавией и Арменией, тем самым недвусмысленно заявивших о намерении использовать свои суверенные права для обретения полной независимости. Действительно, с точки зрения демографии "выход из состава СССР этих 6 республик, чье население в совокупности составляло 7,3% его населения, не был бы для Союза смертельным ударом" (р. 103). Однако нужно помнить о историческом контексте того времени: признание Москвой особых прав перечисленных республик на суверенный статус разве что усилило бы центробежные тенденции – такова логика разделения любого гетерогенного политического пространства.

И здесь необходимо указать на наиболее уязвимое место в концепции распада СССР, отстаиваемой американским политологом – некоторый дефицит историзма. Он особо ошутим, когда речь идет о предметах, отдаленных от нас хронологически, но оказавших решающее воздействие на последующий ход событий. Проиллюстрирую сказанное на примере складывания государственного устройства СССР в 1920-е гг. Специфику его типа обусловили не только и не столько доктринерские баталии "федералистов" и "автономистов" в большевистской верхушке, сколько конкретные исторические реалии – отзвук Гражданской войны, во время которой "красные" активно и эффективно разыгрывали против Белого движения "карту" национальных окраин. Мирясь на практике с их сепаратизмом (не только Польша и Финляндия, но и Грузия и Армения) или поощряя поползновения на автономию в остальных случаях, партия Ленина, если можно так сказать, выиграла "битву" за симпатии этнических меньшинств у сторонников "единой и неделимой России".

Однако платить за их помощь и поддержку всемогущей диктатуре пролетариата впоследствии пришлось "национально-государственным размежеванием" (административно-территориальным членением страны по этническому критерию) и раздачей суверенитетов, вследствие чего и родился на свет конституционный монстр под названием Советский Союз. Пока в стране действовал тоталитарный режим, такую оплату можно было уподобить покупке у индейцев острова Манхэттен за некоторое количество стеклянных бус и железных ножей. Но время все переменяло, и "мина замедленного действия", заложенная в основание СССР первой советской Конститу-

цией, взорвалась. И если абстрагироваться от этого исторического контекста, как порой непроизвольно делает Уолкер, из поля зрения читателя, вероятно, исчезнет крайне важное обстоятельство, не утратившее актуальности и в наши дни: политическая целесообразность, вносимая в устройство государства, приносит лишь конъюнктурные выигрыши, рано или поздно оборачивающиеся полным его коллапсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Губогло М.Н.* Переломные годы. В 2-х т. Т. 1 М., 1993.
- Каганский В.Л.* Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН, сер. географическая. 1993. № 4.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
- Национальная политика России: история и современность.* М., 1997.
- Семенов Ю.И.* Россия: что с ней случилось в XX в.? // Российский этнограф. 1993. № 20.
- Согрин В.В.* Стивен Коэн и перипетии современной России // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
- Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб., 1999.
- Тишков В.А.* Политическая антропология. Lewinston–Queenston–Lampeter, 2000.
- Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.
- Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. М., 2002.
- Dowly К.М.* Striking the Federal Bargain in Russia: Comparative Regional Government Strategies // Communist-Post-Communist Studies. 1998. № 4. Vol. 31.
- Walker E.W.* Dissolution: Sovereignty and the Break-up of the Soviet Union. Lanham–Boulder–New York–Oxford, 2003.